

**ПЯТЬ ДНЕЙ ИЗ ЖИЗНИ
ПАШКИ**

"Самиздат"

Пять дней из жизни Пашки

РАССКАЗ

Озерск
"САМИЗДАТ"
1998

В июне 1998 года в первой городской больнице Санкт-Петербурга двухмесячному Павлику была проведена уникальная операция на сердце. Операцию сделал главный хирург детского кардиологического отделения Любомудров В.Г., ассистировал кардиохирург Кунгурцев В. Л., впоследствии лечащий врач Павлика.

Подобная операция потребовала значительных усилий и средств и была бы просто невозможна без участия руководителей ПО «Маяк» и города: Фетисова В.И., Сулова А.П., Дрожко Е.Г., Ровного С.И., Петера И.Г., Егурнёва В.А., и многих других, кто прямо или косвенно содействовал воскрешению Паши.

Огромное вам спасибо!

Выражаем благодарность нашим первым читателям: Третьякову Г.М. и Гужиной В.В. за полезные советы и неоценимую помощь в правке рассказа; заместителю начальника медсанотдела по лечебной части г. Озерска, главному хирургу, Маркину В.Г.; главному хирургу детского кардиохирургического отделения первой городской больницы Санкт-Петербурга Любомудрову В.Г. и врачу Ксентицкой Н.В. за рецензии, положительные отзывы, существенные замечания и дополнения, а также всем родственникам, друзьям и знакомым, по реакции которых мы могли проводить корректировку рассказа.

Содержание

Вместо предисловия	2
Санкт-Петербург, день первый	3
Больница, день второй	6
Бокс, день третий	7
Реанимационная, день четвертый	9
Домой, день пятый	10
Вместо послесловия	13

Вместо предисловия

Сегодня Пашке уже четыре месяца, но многое из того, что случилось с ним и со мной, когда ему ещё только предстояло родиться, по-настоящему я начинаю понимать лишь теперь, спустя полгода, а тогда...

...До рождения Пашки оставалось еще два месяца, но я уже вся измучилась. Снова и снова вспоминала я, как рожала Толика. Всё было нормально. Через полчаса после того, как меня привезли в отделение, всё закончилось. И вот теперь он растёт, ему уже почти три года. Веселый и умный хулиган. Почему же как только я представляла себе, что мне предстоит ехать в роддом рожать Пашку, где-то внутри меня возникало что-то грозное и мощное, оно наваливалось на меня, давило и упрямо толкало к прямо противоположному решению. Я ревела, пила валерьянку, относя все свои метания на усталость и беременность, но на следующий день, через неделю, через месяц всё повторялось снова.

Пытаясь найти причины, я искала малейшие зацепки, чтобы понять, что же происходит внутри меня, и не раз приходила к мысли, что это просто бунтует будущий Пашка.

От этого еще больше расстраивалась и злилась, потому что не могла найти ни реальных объективных, ни удовлетворительных субъективных причин происходящего.

Когда больше тянуть уже было нельзя, я сказала всем: “Буду рожать дома”.

Трудно передать, да и не хочется вспоминать, что тут началось. Давили все, а если учесть, что по линии мужа практически все родственники – врачи, то давление было серьёзным и методичным. Десятки аргументов действовали безукоризненно, и после часовой обработки я так же, как и они, была совершенно уверена, что у меня заскок, истерика, выпендрёж и масса других состояний ума и души. Все они были заодно: друзья советовали, врачи предупреждали, родственники настаивали.

Но когда вечером я оставалась одна с Пашкой и рассказывала ему, как всё будет прекрасно и хорошо, бунт возникал снова, но теперь это уже был не бунт, а ураган, который с взрывной силой сминал все аргументы и уничтожал все доказательства, несмотря на их торжество и разумность.

В мановение ока улетучивалось все то, что часами твердили мне окружающие, от всего этого, как после действительно пронесшейся бури, оставались лишь какие-то жалкие обрывки фраз, которые не связывались в предложения, а если и связывались, то почему-то не имели для меня никакого смысла. В результате я оставалась наедине с Пашкой утомленная, расслабленная, спокойная, но совершенно уверенная в том, что нет и не нужно никаких доказательств и аргументов, что в жизни все просто и ясно: я и Пашка, а остальное всё чепуха.

И однажды, я сказала всем: “Всё! Пусть будет, как будет. Не хочу загадывать и обещать”.

Постепенно успокоились и родственники. Единственным, в ком я чувствовала поддержку при любом исходе, был мой муж Коля, любимый мой Коленька, да ещё старая опытная акушерка, которая обещала помочь и поддержать.

Санкт-Петербург, день первый

Скорая помощь подъехала прямо к трапу самолета, и нас первых выпустили на волю. Было еще только 12 часов, но уже около 30 градусов жары, и она явно усиливалась. Примерно через час мы были в первой детской городской больнице Санкт-Петербурга, в отделении кардиохирургии профессора Любомудрова. Вадим Германович ещё совсем молодой хирург, и профессором я назвала его не по должности, а по мастерству.

Почти на краю города, в небольшом сквере расположилось внушительное, многоэтажное здание больницы. Подъездная дорога со шлагбаумом и охранником, регистратура, приёмный покой, вахтер – всё как положено и всё-таки что-то было не совсем так. Лишь потом я поняла, в чём дело, но об этом после. Мы поднялись на третий этаж, и сестра сразу же провела нас в кабинет на УЗИ, а через пять минут пришел главный кардиолог

больницы, без сомнения, тоже профессор, Андрей Леонидович. Высокий, молодой, стройный и очень внимательный мужчина прочитал наш диагноз “Транспозиция магистральных сосудов” и мягко и спокойно объяснил нам, что с таким диагнозом не живут. Я ответила, что, конечно, всё знаю, всё понимаю и надеюсь только на бога.

Маленькая пауза затянулась, и он начал свои, наверно, обычные вопросы:

–Возраст малыша?

–Месяц и двадцать пять дней.

–Мы стараемся подобные операции делать до трёх недель, позднее вероятность благоприятного исхода резко падает. Вы знаете об этом?

–Да, теперь знаю, но сначала нам сказали, что операции на сердце не делают раньше трёх-четырёх лет.

–Кто вам такое сказал?

Я лихорадочно пыталась сгладить углы, но он не дал мне времени:

–Вы понимаете, что если это действительно транспозиция, то надежда очень мала? Сердечные сосуды в таком возрасте становятся уже не такими, с ними трудно работать.

–?...

–Мне кажется, что Челябинск достаточно большой город и можно было диагноз поставить раньше. Почему вы приехали так поздно?

Он подсказал мне ответ.

–Но мы живем не в Челябинске, а в Озерске. Это он раньше назывался Челябинск–40. Это небольшой закрытый город. Теперь об этом уже можно говорить, о нас говорят, даже по центральному телевидению, может, слышали, о производственном объединении “Маяк”? Именно у нас сделали первую атомную бомбу. Просто возможность говорить об этом появилась недавно...

–Нет, не слышал. Но врачи-то у вас там хоть есть?

–Есть, конечно.

–А УЗИ?

–И УЗИ есть.

–Так в чем же дело?

Он загнал меня в угол.

–В общем... дело в том, что я рожала дома.

–Ну и что, у нас сотни человек рожают дома, что из того?

–Но мы сообщили о том, что Пашка родился, только через неделю.

–Гм... Что? Были причины?

–Да. То есть вообще-то причин особых не было. Просто я не могла рожать в больнице, а потом, наверно, все пошло по инерции. Я не могу сейчас объяснить, сама ещё не всё понимаю...

Ну, вот. Пришла патронажная медсестра, посмотрела Пашку, послушала, сказала, что все нормально. Зато на следующий день пришел целый консилиум. Они, наверно, как слышали, что мы родили дома, да ещё в воде, пришли с намерениями доказать, как это плохо, поэтому нашли столько всего, чего на самом деле и не было.

–Перестраховались?

–Может быть, не знаю. Нам поставили врожденный порок и положили в больницу с диагнозом: “Внутриутробное воспаление легких”.

–При транспозиции обычное явление. Вообще-то он должен был умереть сразу, как только вы отрезали пуповину. Отек или воспаление легких всё едино, но, видимо, очень хорошо сработал Баталов проток, других вероятностей просто не существует.

–В больнице нас держали три недели, кололи антибиотики, затем лечили от диспепсии, а потом направили на консультацию в Челябинск.

–Понятно. Город маленький, закрытый. У вас, видимо, своя специфика?

–Да, конечно. У нас очень сильная клиника по лечению облученных больных, у нас работают с радиоактивными веществами...

–А кто у вас начальник вашей медсанчасти или как она называется?

–Лынов.

–...Нет, не знаю.

–Так вот, в Челябинске в кардиохирургическом центре нам предложили сделать паллиативную операцию по расширению отверстия в стенке предсердия, а уж потом ехать в Москву на радикальную операцию.

–Да, это возможный путь, но это как минимум две операции, и ребенок слишком долго живет с недостатком кислорода.

–К счастью, кардиохирург Малышев, он в Челябинске делает такие же, как вы, операции по транспозиции, но пока неудачно, предложил нам ехать к вам. Он сказал, что у вас самый большой процент удачных операций.

–Это верно.

Он объяснил, что операция платная, и главное, что, если вы нас не примете, тогда он нас прооперирует. Вот от всего этого и задержки. Потом мы звонили вам, нам сказали, что операция стоит 40 миллионов, сказали, чтоб мы искали деньги и приезжали. Потом оказалось, что самолеты в Ленинград летают только по пятницам и понедельникам. Так прошло ещё две недели...

Дверь открылась, и в кабинет быстро вошел врач, тоже молодой высокий и стройный. Это оказался главный хирург клиники Любомудров Вадим Германович. Он тихо поздоровался и так же тихо спросил: "Ну, что у тебя там"? Леонид Андреевич откинул Пашке распашонку, и на экране поползли странные кривые.

Я замолчала. Появилось время оглядеться. Это была маленькая комнатка с одним окном, четверть которой занимал аппарат УЗИ. Над аппаратом склонились два молодых врача, которым я привезла своего Пашку, и от того, что они сейчас скажут, зависит не только его, но и моя дальнейшая судьба. Я думала, как много всего плохого случилось перед этим, должно же это всё когда-нибудь кончиться, вспомнила маму...

– Да, это транспозиция, – прервал мои мысли Вадим Германович. – Вы готовы к тому, что исход операции может быть неблагоприятный?

– Снова то же самое, – расстроилась я, – Да, конечно. Я все понимаю.

–Вы знаете, что такие операции в таком возрасте не делаются? Это слишком поздно.

У меня уже тряслись губы, но я всё же сказала, что мама Таня, моя свекровь, вчера звонила дяде в Москву, он там руководит таким же кардиологическим отделением, как ваше. Он объяснил ей, что уже очень поздно, но хорошо, что нас направили к вам, потому что Любомудров очень хороший хирург.

–Подождите, подождите, он ваш родственник?

–Да, он дядя отца моего мужа.

Возникла странная пауза. Только теперь, вспоминая выражения лиц двух молодых гениев, мне кажется, я могу понять эти настороженные взгляды. В них – и сомнения: может, врет, решила использовать сходство фамилий, но это же легко проверить; и гордость, – а если не врет, и академик сам дал на это согласие; и ответственность, – а если операция пройдет неудачно, ведь слишком поздно.

Вынужденная пауза кончилась, Вадим Германович выпрямился, посмотрел мне прямо в глаза, отчего мне показалось, что он видит меня насквозь, и твердо произнес: "Я не хочу и не имею права вас отпустить, ждать, пока вы найдете деньги, спонсоров и т.д. Речь идет о том, что ребенок может умереть сегодня, завтра, сейчас. Операцию нужно делать срочно, немедленно. Я имею такое право – в экстренных случаях делать операцию без предоплаты. Поэтому предварительно операцию назначаю на четверг, а пока проведем полное обследование малыша, может, её вообще нельзя делать". Этот негромкий, спокойный голос вселял уверенность, я постепенно успокоилась. Итак, в четверг, а нынче – понедельник.

Больница, день второй

Ночь была тяжелая и душная. Днем жара дошла до 39 градусов в тени, и здание больницы накалилось. Чтобы не задохнуться, девчонки чуть-чуть приоткрывают дверь в коридор, от этого появляется легкий ветерок, дышать становится легче; но если открыть пошире, то дует настоящий ветер, отчего в ночной тишине, время от времени, слышны взрывы захлопывающихся дверей и окон. Пашка просыпался, тяжело дышал и плакал, сейчас, наконец, спит, и мне бы поспать, но уже пять утра, сработала разница во времени. Лежу и без конца прокручиваю вчерашний бесконечный и сумасшедший день.

Нас в палате трое: Люба, Марина и я. У Марины малыш уже на выписку. Операцию сделали на прошлой неделе и на днях выписывают. У Любы девочке шесть лет, и это будет уже третья операция. Будет или не будет, пока неизвестно, её тоже готовят, а сейчас у неё в легких за ночь скапливается до полутора литров лимфы. Врачи ждут и пока надеются, что само залечится, а пока лимфу каждый день откачивают, и девочка катастрофически теряет вес. Как я поняла, после операции на сердце это достаточно частое осложнение. Сложность же поиска истока в том, что, во-первых, лимфа прозрачная и не видно, откуда она течет, а, во-вторых, ток её очень медленный, и время поиска может быть очень велико.

У нас здесь у каждого своя кровать; у Пашки, как и у других малышей, какая-то супер-кровать, никелированная или нержавеющей, блестящая, красивая, с рычагами, колесами и зажимами. Моя кровать – это всего лишь пять маленьких тумбочек составленных в ряд и накрытых парой матрацев. И это одна из удивительных особенностей этой необыкновенной больницы – всё здесь направлено на заботу о малыше. Вчера, когда я это поняла, чуть не заревела и до сих пор, когда я невольно сравниваю некоторые детали своего пребывания здесь и в нашей детской больнице, в горле появляется комок. Конечно, у меня сейчас вообще глаза на мокром месте, и я реву по пустякам, и дело вовсе не в том, что у нас в больнице плохо, совсем нет. Здесь-то я должна делать все сама и пол мыть, и палату убирать. Просто когда я лежала дома и мама Таня прибежала ко мне после работы, естественно, забежав в магазин за соком и фруктами, попадала уже к закрытию посещения. Церберу внизу не хватало только двустволки. Никакие уговоры не помогали. Разговоров же о том, чтобы ко мне в палату мог пройти муж, вообще и быть-то не могло, выходи сама и бросай малыша одного. Здесь же в соседней палате лежит девочка, ленинградка, после обычной операции, и с ней в палате лежат мама и папа!!! И взятки для этого давать не надо. Просто если муж хочет быть рядом, пожалуйста. И так может каждый. Никакого ограничения времени посещения нет. Можно прийти на весь день и, конечно, в любое разумное время. Правда, что такое разумное время, я сама не знаю. Здесь всю ночь светло. Сейчас, наверно, уже шесть утра, а на улице солнышко, как у нас в одиннадцать.

А что здесь творится, когда все проснутся, описать просто невозможно. Это как же нужно любить детей, чтобы дать им возможность устраивать такую вакханалию на этаже. Здесь горки, сказочные домики, машины, игрушки и орава ревущих, хохочущих и гонящих по коридору детей. Телефон на этаже один. Он общий и для ординаторской, и для дежурной медсестры, и для больных. Говорить по телефону в это время в коридоре почти нереально, и, поди ж ты, никто никого за это не выгоняет, и как в это время Андрей Леонидович умудряется услышать что-либо в маленьком сердце, для меня вообще непостижимо. Относительная тишина наступает в обед, приходит сестра и говорит: “Идите кушать”. Это сейчас мне уже хорошо, это теперь я могу лежать и рассуждать, а вчера мне было не до смеха. Мне и в самолете Пашка не дал толком поесть, и потом больше возможности не представилось. Я надеялась, что меня покормят здесь, но оказалось, что в больнице нет посуды, ни тарелок, ни стаканов, ни ложек с вилками. Покормить-то, пожалуйста, но... “В целях экономии средств и повышения уровня санитарии, каждый больной должен иметь свою личную посуду”. Прекрасный лозунг, но, к сожалению, слишком поздно мне продекларированный, поэтому я осталась голодной. Вечером чей-то папа купил мне тарелку, кружку и ложку, и я стала полноправным членом в очереди за едой. Вообще-то родителей

здесь кормить не должны. Это и понятно: кого лечат-то, но с другой стороны, все ж понимают, что если не кормить матерей, то что будут сосать дети, поэтому и кормят на убой. Не скажу, чтобы разносолы, но нормально и много, а внизу есть буфет, можно купить сок, воду, булочку.

Всё, Пашка проснулся, пора кормить. Взяла, прижала, мгновенно присосался и успокоился. Чмокает.

Удивительные все-таки у него глаза и взгляд.

Помню Толика в этом возрасте, малыш как малыш, а этот иногда посмотрит, и оторопь берет. Умный, глубокий взгляд взрослого мудрого человека. Что это, откуда?

Ох, Пашка, сколько нам предстоит сдать анализов перед операцией и пройти осмотров. Доктор вчера перечислил, так одной только крови надо сделать три анализа. Бедненький. Ну, потерпишь немного, зато потом будет всё хорошо, сможешь бегать, прыгать. Говорю, у самой слёзы на глазах, а он перестал сосать и смотрит на меня так внимательно. О, господи!

Бокс, день третий

“Пашка, я тебе удивляюсь”! – как говорит твой дед. Результат подготовки к операции показал, что ты совершенно здоров. Ни малейших отклонений, ни по каким параметрам, а дома тебе шесть диагнозов поставили, ты понимаешь или нет, что ты абсолютно здоров, конечно, за исключением малости, этой самой транспозиции. Ты меня слушаешь? Конечно, слушаешь. Иногда мне, правда, кажется, что ты не только слышишь, но и всё прекрасно понимаешь.

Андрей Леонидович мне про тебя очень подробно рассказал. Раньше у животных, давным-давно, была одна система кровообращения, но потом природа разделила её на два круга, чтобы, как он выразился, более эффективно снабжать мозг кислородом. И когда ты ещё сидел в животике, у тебя тоже была одна система за счет так называемого Баталова протока. Вернее так. У сердца есть четыре камеры и два мощных сосуда – аорта и артерия, аорта идет в легкие за кислородом, а артерия в твое тельце; так вот, между аортой и артерией есть перемычка, вот эта как раз протока. Из-за нее хорошая, чистая кровь смешивается с плохой, грязной. Когда маленькие детишки собираются родиться, эта перемычка у них закрывается, и хорошая кровь с плохой перестают смешиваться. А у тебя аорта и артерия перепутались местами, и если бы перемычка закрылась, то тебя давно бы не было, вот она и открывается все больше и больше, поэтому ты и живешь, но живешь неправильно, кровь у тебя смешивается, и поэтому ты такой серый, а не розовый. Вадим Германович сказал, что он тебе поменяет местами аорту с артерией и закроет перемычку. Правда, Андрей Леонидович говорит, что иногда, в очень редких случаях, этого сделать нельзя из-за особенности расположения коронарных сосудов, но таких пациентов очень мало, меньше процента, так что будем надеяться, что ты не из них, да? Молчишь? Соси, соси. А ещё он говорит, что они уже сделали 1343 операции по артериальному переключению (господи, слова-то какие) и уже очень хорошо научились их делать, из них всего 6 неудачных. Я его спросила, отчего вообще такое бывает, а он, смеясь, ответил: уж, конечно, не оттого, что вы рожали дома в воде, а если серьёзно, то мы, говорит, и сами пока точно не знаем. Вот так. Ну, что, наелся, нечего глазами хлопать, лежи теперь, а мне надо в боксе убрать.

Нас переселили в бокс, теперь мы вдвоём. Это специальная комната с подводкой кислорода, Пашкиной суперкроватью, моими тумбочками, ванной, туалетом, коридором с умывальником, окном, балконом и тараканами. Балкон общий и по нему можно гулять по всему этажу. Сторона солнечная, а солнышко, как говорят коренные ленинградцы, в этом году просто взбесилось, сегодня уже среда, и за эти дни температура не падала ниже 40

градусов. Тараканы такие же, как у нас, рыжие и противные, я с ними борюсь, но им на это наплевать.

Завтра в полдевятого операция. На подготовку ушло три дня. Всё готово за исключением крови. Правда, главный реаниматолог говорит, что обычно с кровью проблем нет, тем более что у Пашки папина группа, первая, но всякое бывает.

Все анализы сделали. Всё нормально. Кончилась беготня, склянки, пробирки, жгуты, шприцы, и наступило какое-то затишье, надеюсь, не перед бурей. Сегодня предстоит трудная ночь. Последнее кормление в три часа ночи, а потом шесть часов голода. Как-то он вытерпит?

Марину выписали, Любину дочку начали готовить к операции, она потеряла уже шесть килограммов, это слишком много.

– Эй, Пашка, ты, что, уснул? Губёшки надул, волосики торчат. Нина Александровна говорит, что ты очень похож на своего прадеда, Павла Ивановича Подзолкова. Я его, к сожалению, не видела. Когда мы познакомились с твоим папой, он уже умер. Он тоже был врачом, тоже хирургом, а потом много лет был директором городской поликлиники. Нет, не директором, как-то иначе это называется, я забыла, ну, в общем, он был там начальником. Она говорит, его все любили, он был очень хороший, мы тебя назвали в его честь. Ты уж, пожалуйста, вынеси завтрашнюю операцию наперекор всему. Он ведь умер от инфаркта, и отец его, тоже медик, а тоже умер от инфаркта. Может, это вообще судьба людей, отдающих свое сердце другим, умирать от инфаркта...

Эта мысль не первый раз приходила мне в голову, надо будет поделиться с Вадимом Германовичем, решила я и вышла из бокса. Пусть поспит.

К вечеру мной овладела какая-то апатия, как будто всё во мне затаилось и замерло. Не хотелось ни есть, ни спать, ни читать, и я потихоньку слонялась по коридору, отдавшись медленным блуждающим мыслям. Мысли цеплялись друг за друга, срывались, накатывали другие. Какая-то заторможенная истома обняла меня и поддерживала в странном состоянии полусна, пока взгляд не задержался на стенде. Десятки раз я видела его, но не замечала. Джоэнн Макгоуэнн, кто такая? Я начала читать.

Оказывается, была такая американская корреспондентка, которая с делегацией приезжала в Санкт-Петербург пять лет назад, где и познакомилась с русской женщиной. Они подружились, и она узнала, что у дочери подруги тяжелое заболевание сердца. В общем, приехала она назад в Америку, разузнала там всё про это заболевание, выяснила, где его лечат, оплатила будущую операцию и прислала вызов. Дочка съездила в Америку, ей успешно сделали операцию, и она вернулась в Россию. Вроде бы все прекрасно, но оказалось, что в этой чудесной сказке нет хэппи-энда. Макгоуэнн изучила материалы о российских детских кардиологических клиниках, выяснила, что такие операции в Санкт-Петербурге не делают, и при следующей поездке в Россию привезла в первую детскую городскую больницу свой первый взнос. В дальнейшем она стала направлять сюда уникальное оборудование (“ага, теперь понятно, почему у малышей такие роскошные кровати”, – вспомнила я), осуществляла обмен специалистами, учебу и финансовую поддержку кардиологического отделения больницы. И три года назад здесь сделали первую и успешную операцию по транспозиции магистральных сосудов. В дальнейшем контакты укреплялись, налаживалось тесное сотрудничество. А в последний свой приезд, во время выступления перед сотрудниками больницы, ей стало плохо. То самое сердце, которое она по частичке отдавала больнице, в этой же больнице не смогли заставить работать... Она умерла.

Я еще долго стояла перед стендом, рассматривая фотографии, и снова думала о тех, кто отдает свое сердце другим...

Время операции приближалось.

Реанимационная, день четвертый

Нет, он определенно всё понимает. Как я его покормила последний раз в два часа ночи, так он больше и не пикнул, выдержал почти семь часов. Унесли, а у меня мандраж. Каждые десять минут смотрю на часы. Девять часов, девять двадцать, девять тридцать пять. Как медленно тянется время. Сколько сейчас? Уже десять, наверно, уже разрезали. Господи, еще четыре часа.

А в это время над операционным столом колдовал сам Вадим Германович, ассистировал ему Вадим Леонидович.

–Ты видишь?

–Да.

Коронарные сосуды оказались расположены так неудачно, что транспозицию сосудов сделать нельзя. Малыш попал в тот самый минимальный процент.

–Что будем делать?

–?

–Делаем Сеннинга.

Тончайшими линиями точнейшими инструментами они вскрыли сердце. Такого они еще не делали. В таком возрасте с такой транспозицией операцию по Сеннингу?! Нет, ну, понятно, что микрохирургия скакнула так, что сшивает и режет под микроскопом, но это ведь сердце. Раз нельзя пересадить сосуды, значит, нужно так изменить функции предсердий, чтобы кровь из правого сосуда попадала в левый желудочек, а из левого – в правый. Невероятно, но они это сделали.

–Дренаж слева готов.

–Время?

–13.30

–Всё, операция закончена, спасибо, все свободны.

Я торчала в вестибюле этажа и видела, как через пять часов они вышли из операционной. Вадим Леонидович что-то очень подробно рассказывал мне об операции, о том, как хорошо она прошла, о том, что и куда они там переставили, но было ощущение, что у меня внутри не было меня. Я ровным счетом ничего не понимала, хотя всё прекрасно слышала. Во мне что-то прыгало и дергалось, одно кричало: “Живой, живой”! Другое шептало: “Не спеши, не спеши”. Пашку отвезли в реанимационную. Вадим Леонидович спросил:

–Вы не хотите пойти посмотреть?

–А разве туда можно?

–А почему нельзя, сейчас ребенка уложат, и я вас отведу, вы не боитесь?

–Нет.

–Тогда идите в палату, я за вами зайду.

–Нет, я здесь постою.

Я уже совершенно ошалела, и когда он провел меня с собой, я даже не сразу поняла, что собственно произошло.

В огромной комнате, разделенной пополам прозрачной стеной, в дальнем левом углу на супер-супер-кровати лежал Пашка. На нем была маленькая простынка в виде набедренной повязки, и всё. Сверху горел экран, и на нем мелькали, видимо, сердечные и дыхательные ритмы. И вот тут я увидела его грудь. Большой красный шрам шел вдоль всей грудной клетки, но он был закрыт, наверно заклеен, швов не видно. Из живота торчали трубки, они входили и в нос, и в рот, и в вены, и под простынку. Он весь был привязан к кровати пластырем или клейкой лентой. Датчики шли к рукам, ногам, голове и еще не знаю к чему. Это было и страшно, и восхитительно. Страшно оттого, что все это железо, пластмасса, резина – соприкасалось с маленьким тельцем моего Пашки, входило внутрь и куда-то выходило, а восхитительно потому, что всё это жило, двигалось, работало, дышало. Пашка дышал медленно и равномерно, и с каждым его вдохом и выдохом в комнате раздавалось

“пыхых, пыхых” – это работали искусственные легкие. Наконец я поняла, что же все-таки произошло, что поразило меня в первые секунды, как только я его увидела... Он был розовый, и я разревелась. Слезы потекли ручьем. Впервые за последний год я редела от радости. Господи, думала я, какая все-таки ерунда всё остальное по сравнению с этим. Пашка стал розовенький. Еще полдня назад он был серо-пепельный, а теперь розовый. Вадим Леонидович продолжал объяснять мне, что показывается на экране и что происходит сейчас с Пашкой. Из его слов получалась очень складная картина: если все будет хорошо, через недельку переведут в бокс. Я, наконец, сообразила, что помимо нас в реанимационной куча народу. Две девушки в халатах моют пол. Я рискнула задать вопрос: “А вы не боитесь инфекций, нагноений, вот и меня сюда пустили?” “Пусть боятся те, кто лечить не умеет, а мы умеем, у нас такого не будет”, – твердо ответил он. В это время над Пашкой склонились две сестры, слева и справа. Одна все время стучала по прозрачной трубочке, выгоняя из неё сгустки крови, она добивалась того, чтобы они уходили из Пашки, но появлялись новые, она снова стучала, они снова уходили и снова появлялись. Вторая девушка делала что-то с датчиками и смотрела на экран монитора. Вадим Леонидович как будто почувствовал мой вопрос и объяснил, что сейчас ребенок находится полностью на искусственном обеспечении, а на экран выводятся все данные: давление, температура, сердечные и дыхательные ритмы. “Я так и думала”, – мелькнуло у меня в последний раз, после чего внутри стало теплеть, и комната стала медленно уходить и расширяться. «Всё, надо срочно отдохнуть», и я выползла из реанимационной.

Отойдя после первого шока, я почти до конца дня просидела с Пашкой. Он скоро пришел в себя. Открыл глазёнки, смотрит на меня, хлопает луп-луп, сказать чего-то хочет, губы вытянул в трубочку и зачмокал. Как только я поняла, что он хочет есть, халат на груди мгновенно промок. “А когда его можно будет кормить?” – спросила в пространство. Главный реаниматолог почти всё время был здесь, он ходил от одной кровати к другой, я его не видела, но чувствовала, что он всё время рядом, подошёл ко мне, помолчал с минуту и сказал: “Мамаша, я должен вас подготовить. Вам тут наши светила всё очень красиво и хорошо рассказали про то, как прошла операция и как всё чудесно, так вот не слушайте их. Состояние ребенка чрезвычайно тяжелое, критическое. Они свое дело сделали, и скорее всего действительно так, как рассказывают, они же мастера, но не надо строить никаких иллюзий. Теперь наступила моя очередь, а я вижу: давление мизерное, сердце на чудовищном адреналине, вы поймите меня правильно, я вас не пугаю, просто вы должны понимать, что надежда пока иллюзорная. Смерть наступала и при гораздо лучших показателях. Так что кормить его пока рано”. Он помолчал немного, отошёл к соседней кровати, а я пыталась оценить услышанное. Пашка тем временем закрыл глаза, улыбнулся и как будто тихонько сказал: “Не бойся, мама, прорвёмся”. Я сперва замерла от неожиданности, но потом тоже улыбнулась и ответила: “Конечно, сынок”.

Домой, день пятый

Несмотря ни на что, Пашка с каждым днем становился все лучше. Нам говорили, что адреналин отменяют завтра утром, отменяли сегодня вечером, потому что он справлялся; говорили, дренаж отключат вечером, отключали утром, он и здесь справлялся; говорили, кислородную маску не снимать до завтрашнего утра, а сняли сегодня; и так во всем. Я уже устала сцеживать молоко, а вот кормить все ещё не разрешали, говорят, он не сможет сосать, после такой операции дети должны пить из бутылочки, в общем, достали меня, и я пошла к врачу требовать. Он меня выслушал и говорит: “Ну, давайте попробуем, я не возражаю, но ребенок должен съесть 50 граммов. Он у вас высосет граммов 10–15, а остальное нужно будет добрать из бутылочки”. Я запрыгала от радости: “Пашка, – говорю, – готовься, сейчас есть будешь”. Он, конечно, всё прекрасно понял, с радостью улегся на весы и даже не сильно расстраивался по поводу торчащей из носа трубки. Это был последний памятник прошедшей

“экзекуции”. В реанимации через трубочку Пашку накачивали молочной смесью. Я страшно переживала: что может быть вкуснее моего молока (нет, наверно, не вкуснее, а полезнее), но врач сказал, что это специальная смесь, которая полностью усваивается и не даёт твердых отходов. А Пашка наплевал на эту трубку и так присосался, что, вместо отпущенных руководством пятнадцати граммов, высосал шестьдесят пять. Сестра мягко пожурела за перекорм, но, по-моему, тоже осталась довольна, а доктор тут же вытащил из него трубку, и Пашка совсем расцвел.

“Дай, посмотрю на тебя. Господи, какой же ты стал страшный: весь в потнице, весь в шрамах, на груди, правда, шрам уже поджил, сукровицы нет, дренажные дырки еще в швах, но тоже заросли; а вообще-то ты, Пашка, просто молодец. Доктор сказал: если так дальше дело пойдет, то в пятницу мы с тобой домой летим. Хочешь домой? Молчишь. Ничего не соображаешь, а я хочу, там твои братик Толик и папа Коленька. Ладно, я пошла к Вадиму Леонидовичу поговорить про твою потницу, полежи тихо”...

Три дня в реанимации пролетели как один: сон, еда, реанимационная, опять сон, еда, реанимационная. На улице жарится, в реанимационную зайду, там хорошо, он то под простынькой, то голый, а тут пришла, а он под тремя слоями шерстяного одеяла, лежит весь мокрый, спрашиваю, зачем, говорят так надо, у малышей плохая терморегуляция. Вот он теперь весь коростой и покрылся, но ведь по большому счёту это такая ерунда. Это ведь не жизнь!

Вчера утром мальчика оперировали. Сделали все, как положено: и родился он в прекрасно оборудованной клинике; и то, что у него транспозиция магистральных сосудов определили вовремя, сразу, как родился, он местный, ленинградский – здесь диагностика поставлена что надо; и подготовку к операции провели как положено, быстро и качественно; и операцию ему делал сам Любомудров. А сегодня утром мальчик умер. И самое страшное то, что мама его почти не видела. Он родился, его унесли – и всё. В больнице сегодня трагедия. Понятно, что без этого не бывает, но я здесь насмотрелась, наслушалась, и чем дальше, тем больше я задумываюсь и начинаю понимать, что не все так просто, не только в мастерстве хирургов и врачей дело. То, что сам Вадим Германович гениальный хирург, понятно, то, что его команда врачей уникальна, тоже понятно. Но есть во всем этом какая-то тайна, скрытая связь. Почему Пашка не вписывался в стереотипную линию выздоровления, а выздоравливал быстрее? Тайная мысль мне нашептывает: это я, я, я ему помогала. Вот об этом я и хочу поговорить с ним. Вадим Германович очень интеллигентный, он очень умный, он должен понять.

Наташа подошла к ординаторской и тихонько постучала:

–Вадим Германович, можно?

–Да-да.

–Вадим Германович, можно мне с вами поговорить? Я понимаю, что у вас сейчас горе и вообще-то вам не до меня, но мне очень нужно.

–Да, я вас слушаю.

–Я знаю, что мальчик умер, понимаю, что вы сейчас мучаетесь, вспоминая всю операцию, пытаюсь понять, что вы неправильно сделали. Ну, не в этот раз, так в другой, я знаю, так всегда бывает. Я думаю, все было сделано правильно. Мальчик умер не от ошибок в операции.

Вадим Германович молчал, он слушал, но одновременно был погружен в глубокое раздумье. Он тоже понимал, что без этого не обойтись, что на любом пути к победе всегда есть жертвы, но также понимал, что на этом пути жертвы самые тяжелые, а часто и самые необъяснимые. Когда ошибки видны, и ты сам в них виноват, все просто, тут ты отдаешь огромный кусок своего сердца, своей боли, и всё это невыносимо тяжело, но, увы, без ошибок не научишься. Но когда все правильно, когда за твоими действиями наблюдают

шесть пар глаз и подтверждают твою безукоризненную работу, а ребенок умирает, тогда как? Кто виноват? Что сделать, чтобы это не повторилось? Может, эта девочка что-нибудь знает? Как часто устами младенцев глаголет истина.

–Извините, я задумался, что вы сказали? Мальчик умер не от ошибки? Что вы имеете в виду?

–Понимаете, я очень хорошо чувствовала Павлика, когда он был во мне, мы разговаривали с ним, он мне отвечал, говорил, что ему нравится, а что нет. Я ему рассказывала сказки, пела песни, знакомила с Толиком, это мой старший, ему сейчас 2 года. Но со мной происходили странные вещи, когда речь заходила о том, что ему предстоит родиться, начиналось непонятное. Сейчас я абсолютно уверена, что он бунтовал против рождения в больнице. Я же первого родила в роддоме, без всяких проблем, но когда вспоминала об этом и рассказывала Пашке, как всё будет хорошо, он начинал пинаться, чем доводил меня до слёз. Я не буду рассказывать вам всех подробностей, их было много. Но постепенно пришло понимание того, что он хочет родиться в воде. Вот и мой первый вопрос к вам. Какова вероятность того, что он остался бы жить, если бы ему пришлось родиться сразу в воздух, “на сухую”, выдержало бы тогда сердце?

–Ничего не могу сказать о преимуществах родов в воде. Лишь бы младенца не решили оставить под водой. По крайней мере, мне, как дилетанту в этом вопросе, не хочется высказываться на эту тему. Да и на вопрос “если б да кабы” разумного ответа быть не может.

Даже если при рождении в воду удар на ребенка действительно снижается, делается более плавным, растянутым во времени и слабому сердцу легче, нет никаких оснований повторять подобные эксперименты. Это вы, надеюсь, понимаете?

–Да, безусловно.

–И потом, если бы меня спросили заранее, я бы порекомендовал определить при помощи ультразвука, нет ли у будущего ребенка порока сердца. В большинстве случаев мы можем определить еще внутриутробно состояние сердца плода (начиная с 12 недель). По крайней мере транспозиция магистральных сосудов была бы почти наверняка обнаружена. В этом случае, лучше было бы рожать в больнице, где все было бы готово к экстренным мерам для поддержания жизни ребенка. Критическое состояние может развиваться в течение нескольких минут после рождения.

–Понятно. Спасибо. Но тогда второе, и теперь уже непосредственно связанное с вашим мальчиком. Если бы я рожала в больнице, то сразу после рождения, определив транспозицию, его бы у меня отобрали, и я бы его почти не видела, ведь так?

–Да, скорее всего.

–И он бы меня не узнал, не научился бы сосать, он не научился бы меня любить, а я не успела бы полюбить его? А ведь это и есть ответ на мой вопрос? Я с Павликом была с момента рождения, я жила с ним, я поддерживала его, он жаловался мне, и я ему помогала, и мы вдвоем выжили. Безусловно, главное сделали вы, но все ли?

–Я не могу ответить однозначно, хотя сам часто думаю об этом и делаю все, чтобы у меня в отделении с детьми все время были не только мамы, но и папы, бабушки, дедушки и все, кто их любит, кто о них заботится, да вы это видели и знаете. Ведь, действительно, человеческий детеныш рождается настолько неприспособленным к самостоятельной жизни, что ему очень сильно нужна мать, и тут вы, безусловно, правы...

Вадим Германович замолчал: он без конца переживал операцию: “Черт возьми, ведь все было сделано правильно, она, конечно, права, эта девочка, и нужно обеспечивать постоянный контакт с матерью с момента рождения наших пациентов. Ну, у нас-то это мы делаем, а на местах!

И потом, где была эта мама? Какого черта! У нее отобрали пацана, а она пропала. Где её бой и рев? Эта б, наверно, такой скандал устроила!”

Он повернулся к окну. “Где ж мы, Вадим, с тобой допустили ошибку? – снова подумал Вадим Германович, не заметив, что Наташа вышла, неслышно притворив дверь, и он остался в ординаторской один.

62:7. Вот наш текущий счет с Аидом, и в этом наша правда, шестьдесят два малыша живут, растут, смотрят на мир и радуются, – он вернулся к столу, собрал истории болезни. – Все. На сегодня хватит. Пора домой. Завтра двое следующих”.

Вместо послесловия

Наташа смотрела в окно иллюминатора. Трап убрали, и самолет медленно покатился к взлетной полосе. Вот и закончились три долгих больничных недели. “До свидания, Питер, до следующей встречи, – мысленно помахала она ему рукой и тут же подумала: О какой встрече я говорю, мы же даже не виделись. Может, в следующий раз?” До следующего раза было три месяца. Через три месяца нужно было снова лететь на контрольный осмотр. Пашка спал на коленях. “Почему кроватку в самолете дают только после набора высоты? Странно это”, – подумала она, и перед её глазами вновь побежали дни прошедшего месяца.

...У Любы дочке сделали третью операцию, удачно, ток лимфы прекратился. Вадим Германович ушел в отпуск, над Ленинградом пронесся ураган, сломал в Гатчине около 1000 деревьев, погибло 3 человека. На шестой день после операции у Пашки в легких тоже начала скапливаться лимфа, её откачивали, она снова набиралась, но меньше и меньше, а через три дня и совсем прекратилась...

Она вспоминала, мысли ее начали путаться, самолет ещё не взлетел, а она уже, крепко прижав Пашку, спала.

***

Рассказ мне очень понравился. Думаю, что никаких особых исправлений я делать не вправе. Я не литературный критик и не редактор. Те медицинские неточности, которых довольно много, не нуждаются в исправлении. Это всё то, как поняла происходившее мама, её личный взгляд на события. В конце концов, это не медицинская статья, и читать рассказ будут не профессионалы. Что касается некоторых деталей:

То, что ребенка после рождения нужно как можно быстрее отдать матери, по моему, в цивилизованном мире никем не оспаривается. Вопрос в другом, насколько мы близки к цивилизованному миру по своему отношению к человеческой личности и медицинскому профессионализму.

Я спрашивал у коллег в других городах, собираются ли они менять свой пропускной (точнее, непропускной) режим, ведь места бывает действительно много. Оказывается, традиции сильнее. Говорят, детям у нас так хорошо, что некоторые не хотят назад к родителям (????!!). Что-то с трудом верится. Охотнее верю, что для кого-то это еще один источник доходов, ведь кое-где одну маму на 5-6 детей все-таки пускают, присматривать за своим и еще за несколькими чужими чадами. В одной из клиник, на отделении, где грудные дети, запомнилась маленькая деталь: все дети в одной палате, рядом мамы, но стоят, стульев рядом с кроватками нет. Я как-то не выдержал и сказал коллегам (конкурентам): Вы теряете потенциальных пациентов. Они едут туда, где можно быть с ребенком. Да и для вас самих это будет лучше. Ничто так не мобилизует персонал, как присутствие родителей. Мне, как заведующему, легче. Родители выполняют мою работу, следят за качеством. К тому же сестре тяжело за всеми уследить на отделении, если бы не родители.

Сейчас кардиохирургия в стране становится более нормальной, то есть начинают понимать, что это стоит немалых денег и их надо давать тем, кто работает, чтобы они могли для своей работы все необходимое покупать. Больница становится не только исполнителем, но и сама обеспечивает и организует работу. Начинает формироваться рынок услуг, где становится важным привлечь пациента в свою клинику. И хотя предпосылки уже есть, но до настоящей конкуренции еще очень далеко, и она, видимо, еще не скоро изменит менталитет хирургов.

С уважением, Вадим Любомудров

...С огромным интересом и удовольствием прочитал Ваш рассказ. Ваши мысли и переживания, изложенные в нём мне, как врачу-хирургу и как пациенту, оперированному за свою жизнь трижды, понятны и близки.

К глубокому сожалению, достаточно часто среди врачей, оказывающих медицинскую помощь в экстремальных ситуациях, деятельность которых связана с ежедневными решениями вопросов жизни и смерти пациентов, морально-этические вопросы отходят на второй план.

Я думаю, что Ваше произведение, написанное от души и очень эмоционально, необходимо, в первую очередь, медицинским работникам. Рассказ позволит им взглянуть на себя и свои действия глазами пациента, матери, родственников...

С уважением, В. Маркин. 28.10.98

... Прочитала «Пять дней» буквально взахлёб, на одном вдохе, пережив за несколько минут ураганный натиск чувств: и тревогу за Пашку, и раздражение медлительностью наших местных эскулапов, и восторг перед мудростью столичных хирургических кудесников, и сопереживание всей Пашкиной родне. Но Главный Восторг я адресую Маме Наташе....

...Это не «медицинский случай», это гимн самоотверженному материнству, этому «выживанию вдвоём».

Я проецирую эту любовь, это семейное единение на свою сегодняшнюю боль – неумение повлиять на процессы наркотизации детей и подростков. А ведь проблема вырастает из неумения-нежелания любить своих детей, когда обидное «меня никто не любит» швыряет сыновей-дочерей в наркотики и даже суицид.

Прислушайтесь к молчанию своих детей, родители. Прочитайте эту книжечку про Пашку и поучитесь настоящей материнской любви, идущей на «рёв и бой», умеющей слить свою тревогу с детской болью, сплести воедино и жизни, и судьбы своей семьи. Прочитайте и сравнитесь. По правде и совести. И любите, любите своих детей и внуков на уровне ежедневного подвига...

Врач Н. Ксентицкая

Для широкого круга читателей
ПЯТЬ ДНЕЙ ИЗ ЖИЗНИ ПАШКИ
Рассказ. Изд. 3-е, исправленное и дополненное,
г. Озерск., “Самиздат”, 1998. 32 с. с ил.

Ответственный редактор Н.А.Подзолкова.
Художественный редактор С.П.Подзолков.
Технический редактор Н.С.Подзолков.
Корректор С.П.Подзолков. Набор 14.11.98.
Формат 60х90 1 / 16 . Усл.печ.л.1,0. Тираж 20 экз.
Самиздат, Озёрск, Свердлова, 10, 3.

Рассказ основан на реальных событиях. Описываются некоторые моменты из жизни мамы и ее малыша, которому сделали уникальную операцию на сердце, затрагиваются некоторые проблемы треугольника «мать, ребенок, врач». Приведены рецензии главного хирурга детского кардиохирургического отделения первой городской больницы г. Санкт-Петербурга Вадима Германовича Любомудрова, главного хирурга, заместителя начальника МСО г. Озёрска Виктора Григорьевича Маркина и врача Нины Васильевны Ксентицкой. По мнению рецензентов, рассказ будет интересен широкому кругу читателей.

В Сети Интернет публикуется впервые на портале «Воздушный Замок» с разрешения Подзолковой Н.А.